

ОТЗЫВ

оппонента на диссертацию на соискание ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – Археология Малых О.О. на тему: «Длинноклинковое оружие Прикамья первой половины I тыс. н.э. и его распространение в контексте социальных и миграционных процессов»

Интерес и актуальность представленного О.О.Малых диссертационного исследования определяются тем, что аналогичных исследований в археологии Прикамья и Предуралья немного, да и посвящены они в основном описанию отдельных групп оружия, связанных с каким-то конкретным памятником. Автор рассматриваемого исследования поставил перед собой цель – выявить миграционные и социальные процессы, способствовавшие распространению длинноклинкового оружия в среде населения Прикамья в первой половине I тыс. н.э. (с. 10). С названием представленной работы данная цель вполне согласуется. Вызывает сомнение правомерность данного автором определения объекта и предмета его исследования. По общепринятому определению, *объектом* изучения всех общественных наук, в том числе и истории, является общество, а *предметом* изучения гуманитарной науки является та часть, та сторона общества, которая изучается непосредственно данной наукой. Следовательно, в данном случае объектом являются социальные и миграционные процессы, имевшие место в Прикамье в первой половине I тыс. н.э. А поскольку О.О.Малых именно через их призму рассматривает динамику появления и распространения в регионе длинноклинкового оружия, то последнее и должно рассматриваться в качестве предмета исследования. Если же считать наоборот, как это обозначено автором на стр. 9-10 его диссертации, то тогда и структура представленной работой должна быть иной. А именно – главы 4 (Влияние социальных процессов на распространение длинноклинкового оружия в первой половине I тыс. н. э. в Прикамье) и 5 (Влияние

миграционных процессов на распространение длинноклинкового оружия в первой половине I тыс. н. э. в Прикамье) должны, соответственно, стать главами 1 и 2.

Эмпирическую базу диссертационного исследования О.О.Малых составляет случайная выборка (случайная – поскольку мы не знаем, сколько единиц длинноклинкового оружия имели хождение в рассматриваемом регионе в рассматриваемое время), состоящая из 154 мечей и 15 палашей (по номенклатуре, предложенной автором). По правилам математической статистики эта выборка позволяет получить результаты с довольно высокой степенью достоверности, но именно для данной выборки. Артефакты, составляющие указанную выборку, происходят из могильников чегандинской (пьяноборской), караабызской, мазунинской и азелинской культур – в общей сложности 27 памятников. Здесь сразу следует обратить внимание автора на допущенную им неточность: Камышлы-Тамакский и Юлдашевский могильники, отнесенные им к караабызской культуре (с. 11), в реальности являются пьяноборскими (чегандинскими). И таким образом, единственным памятником караабызской культуры, содержащим материалы по исследуемой О.О.Малых теме, является Охлебининский могильник.

Возможно, с точки зрения автора диссертации, это и не существенно. Но, не нами сказано: «дьявол кроется в деталях». Поэтому при дальнейшем углублении в содержание рассматриваемого исследования в глаза бросается некая эмпирическая путаница. Так, в Приложении 1 «Чегандинская культура» Камышлы-Тамакский и Охлебининский могильник отнесены к могильникам «удмуртской группы» этой культуры, наряду с могильниками Чеганда II, Ныргында II и Тарасовским (с. 213-219). Что это означает в контексте географической локализации памятников – непонятно. Сасыкульский могильник (отнесенный автором к башкирской группе чегандинских памятников) расположен в одном и том же современном административном районе, что и Камышлы-Тамакский, а Охлебининский

могильник – это вообще район среднего течения р.Белой и совершенно другая археологическая культура.

Первые три главы рассматриваемого исследования сугубо источниковедческие: глава 1 «Мечи», глава 2. «Палаш и технологические аспекты изготовления длинноклинкового оружия» и глава 3. «Классификация элементов эфеса длинноклинкового оружия и ножен». Первую главу открывает раздел «Методические проблемы исследования длинноклинкового оружия». Здесь следует обратить внимание на выдвинутое автором положение, с которым сложно не согласиться. А именно – поскольку большая часть мечей являются предметом импорта, они не несли на себе отпечаток культуры местного населения. Следовательно, выделение культурных типов длинноклинкового оружия, обнаруженного на территории Прикамья, не будет иметь смысла (с. 19). Сам же О.О.Малых предлагает разделить находки мечей и палашей на **культурно-хронологические типы**, под которыми он предполагает группу находок, параметры и конструкция которых характерна для конкретного исторического периода (с. 19).

Таких периодов исследователь выделяет четыре: I-II вв.; III в.; IV в. и вторая половина IV – начало V в. (рис. 8 и табл. 7.2). Исходя из приведенных автором в табл. 7.2 данных, основная масса мечей, входящих в созданную им выборку, приходится на последние два периода – 68,6%.

О.О.Малых приводит данные о метрических параметрах клинков мечей (с. 21-27), из которых следует, что в рассматриваемое время в регионе преобладали (56%) мечи с клинком средней длины, т.е. 66-80 см.

С одной стороны, подобная статистика уже сама по себе выглядит достаточной для дальнейших социокультурных построений. Но автор явно работает «на опережение» и дает развернутый дискриминантный анализ собранной им выборки мечей, позволяющий статистически обосновать целесообразность выделения типов. А выделение эталонных образцов оружия данного типа для каждого из хронологических периодов является безусловным методическим достижением исследователя. Сказанное

относится и к главе 2 «Палаши и технологические аспекты изготовления длинноклинкового оружия первой половины I тыс. н. э.». В указанной главе особый интерес представляет описание образцов клинкового оружия, изготовленных местными прикамскими мастерами, выделенных О.О.Малых на основании анализа технологии их изготовления. Хотя для однозначных выводов материала пока представляется недостаточно.

Таким образом, следует отметить, что в первых трех главах своего исследования автор создал и детально, на современном уровне проанализировал эмпирическую базу для дальнейших оружиеведческих изысканий в археологии Прикамья и Предуралья. В этом – его безусловная заслуга.

Материал, изложенный в рассмотренных главах диссертации О.О.Малых – это фактически тот самый предмет, выводящий автора к объекту его исследования, то есть, к социокультурным процессам, маркированным созданной им эмпирической базой. Хотя сам исследователь, судя по названию главы 4. «Влияние социальных процессов на распространение длинноклинкового оружия в Прикамье в первой половине I тыс. н.э.», исходит от обратного. В моем представлении распространение длинноклинкового (в основном импортного) оружия в регионе как раз должно рассматриваться через восприятие его как маркера определенных социальных явлений и структур. Само название данной главы указывает на то, что автор а priori предполагает наличие у прикамского населения первой половины I тыс. н.э. социальных страт, определявших динамику распространения мечей и палашей в регионе. Но так ли это на самом деле? На стр. 97 своего исследования он сам же пишет о том, что «появление в захоронениях статусного вооружения свидетельствует не только о притоке в регион подобных предметов, **но и о существовании социальных групп, статус представителей которых позволял использовать мечи и палаши как часть погребального инвентаря**». И далее, опираясь на обширный археологический материал, автор убедительно показывает, что никаких

подобных структур у населения рассматриваемого региона в рассматриваемое время не существовало. Ни планиграфия погребений с длинноклинковым оружием, ни объем трудозатрат на их обустройство, ни количественный ассортимент сопровождающего инвентаря не свидетельствуют о том, что в среде прикамского населения I-II вв. н.э. сформировалась какая-то особая страта людей (вождей), выделяющаяся из общей массы соплеменников (с. 100-103). «На основании анализа особенностей захоронений с длинноклинковым оружием можно сделать вывод: в период I-II вв. в среде населения Прикамья не сформировался социальный институт вождей» - вывод, который лично я разделяю полностью. Равно как и следующий вывод, который я здесь привожу полностью: «На основании материалов захоронений, оставленных в I-II вв. н.э., отсутствуют основания предполагать существование в среде населения Прикамья военных дружин, структура которых соответствовала бы социальному институту, возникающему на предгосударственной стадии общественного развития. У местного населения существовали военные структуры обеспечивающие безопасность обществ, но их деятельность носила непостоянный характер. Подобные структуры включали в свой состав основную часть свободных мужчин, а не отдельных лиц решивших связать свою жизнь с военным ремеслом» (с. 105). Эти выводы базируются на результатах анализа массового археологического материала I-II вв. н.э., поэтому должны быть приняты.

Что касается выводов относительно возможного участия местного населения в военных походах кочевников Южного Предуралья (с. 108-110), то это, безусловно, чистая авторская умозрительность. Общеизвестно (и О.О.Малых сам на это указывает), что в I тыс. н.э. экономический потенциал оседлого населения Прикамья был весьма ограничен и требовал непрерывной работы всех членов социума в формате 24/365. Поэтому предполагать, что наиболее деятельная мужская часть общества могла позволить себе хотя бы временный уход в какие-то дальние военные походы,

имея шанс из них не вернуться вообще – это явный абсурд. Не говоря уже о том, что представить прикамских пехотинцев в качестве военных союзников сарматов (с. 125), воевавших исключительно в конном строю, просто невероятно.

Совершенно прав О.О.Малых и в своем выводе о том, что и в III-IV вв. у лесных племен Прикамья не было предпосылок для сложения в их среде каких-то особых воинских структур, стоящих вне социума или над ним (с. 125). На этом фоне рассуждения автора о каких-то «мужских/юношеских союзах», якобы существовавших у прикамских племен первой половины I тыс. н.э. (с. 125-132), может рассматриваться не более как «дань моде». То есть, попытка исследователя представить уровень социокультурного развития рассматриваемого населения соответствующим классическим примерам народов, прошедших (по Моргану – Энгельсу) стадию военной демократии. Впрочем, сам О.О.Малых призывает читателя относиться к этим его построениям «с изрядной долей осторожности» (с. 126).

Завершает рассматриваемое диссертационное исследование глава 5 «Влияние миграционных процессов на распространение длиннокликового оружия в первой половине I тыс. н. э. в Прикамье». Подобная постановка вопроса вполне логична по ряду обстоятельств: во-первых, как показывает сам автор, основная масса длиннокликового оружия в регионе – импортного происхождения; во-вторых, основная масса мечей происходит из комплексов IV – начала V вв., а это время наивысшей активизации миграционных процессов в Урало-Поволжском регионе в целом (эпоха Великого переселения народов); в-третьих, миграции как основной фактор формирования этнокультурной карты Прикамья и Предуралья исследователями региона сейчас уже воспринимаются как исторический факт.

Но что касается рассматриваемой главы диссертационного исследования О.О.Малых, то в целом она воспринимается как археологический дискурс, в котором, в контексте рассматриваемого

исследования, «мелькают» откуда-то привнесенные в регион мечи. Сам автор оперирует находками из погребений Тураевского, Кудашевского, Дубровского, Старо-Муштинского могильников, оставленных каким-то пришлым населением. Каким – в контексте рассматриваемого исследования это даже и не суть важно. Ссылка на мнение А.А.Красноперова, считающего воинские погребения Тураевского могильника погребениями «ветеранов военного отряда, вернувшихся после службы в других регионах» (с. 159) – это конечно беллетристика. В данном случае более продуктивным было бы обратиться к статье Л.С.Клейна Миграция: археологические признаки // *Stratum plus. Археология и культурная антропология*. 1999. № 5.

Главное, что это были пришельцы, принесшие с собой мечи со средним и длинным клинком. У местного прикамского населения, как синхронного, так и последующего, они распространения не получили. То есть, длинноклинковое оружие IV – начала V вв. для населения Прикамья указанного времени – это явление, непосредственно связанное с проникновением в местную среду мигрантов – воинских дружин – члены которых очень быстро растворились в среде местного населения. По своему содержанию, если исходить из материалов Тураевского, Старо-Муштинского могильников, могильников «харинского типа» в лесном Прикамье, это были воинские набеги или вторжения, первым проявлением которых было появление на новых территориях нового оружия (Клейн, 1999). Но поскольку О.О.Малых никак не может отрешиться от своей идеи о «дальних военных походах» воинского контингента прикамского населения, то в завершение рассматриваемой главы он делает вывод о том, что «присутствие в захоронениях мечей и палашей не стоит связывать исключительно с влиянием групп инокультурного населения, появившегося в регионе. Часть подобных предметов появилась у местного населения в результате его самостоятельной деятельности, в том числе связанной с дальними военными походами и потенциальным участием в масштабных конфликтах своего времени» (с. 166-167).

В Заключении автор традиционно подводит общий итог своего исследования, в тезисной форме излагая его общие положения.

В свете всего сказанного выше считаю необходимым отметить, что рассмотренная диссертация О.О.Малых, безусловно, представляет собой законченное и совершенно самостоятельное научное исследование. Особо следует подчеркнуть, что автор детально владеет предметом своих научных изысканий, обладает навыками и умением использования современных методов анализа археологического материала. В первую очередь это прослеживается в многочисленных статистических таблицах, наглядно иллюстрирующих течение источниковедческой мысли автора и делающих его выводы доказательными.

Вместе с тем, считаю необходимым отметить, что диссертационное исследование О.О.Малых фактически состоит из двух частей. Первая _ главы 1 – 3) это скрупулезное источниковедческое исследование, результаты которого едва ли могут быть оспорены или опровергнуты. Вторая (главы 4 и 5) – это историко-археологический дискурс, содержание которого и не подтверждается, и не опровергается имеющимися в распоряжении автора эмпирическими данными. Поэтому сторонний читатель может их принять или не принять. Лично я придерживаюсь второй позиции. Но поскольку, согласно существующему положению и ГОСТу, кандидатская диссертация – это научно-квалификационный труд, позволяющий соискателю продемонстрировать имеющиеся теоретические навыки, а также собственный интеллектуальный уровень в выбранной отрасли исследований, с этой точки зрения представленная к защите диссертация О.О.Малых вполне соответствует приведенному выше определению. В ней автор наглядно продемонстрировал и практические, и теоретические навыки, и способность создавать научные дискурсы. Последнее в настоящее время является едва ли не основным способом не столько исторического познания, сколько формирования новых представлений о течении исторического процесса.

В свете сказанного считаю возможным ходатайствовать перед Диссертационным советом о присуждении О.О.Малых искомой ученой степени кандидата исторических наук по специальности 5.6.3. – Археология.

Доктор исторических наук, профессор,
главный научный сотрудник научно-образовательной лаборатории Патриотического воспитания молодежи и истории казачества Башкирского государственного педагогического университета им. М.Акмуллы

В.А.Иванов

31.08.2023

